

ОТ АВТОРА

Завоевание Запада: прерии, колонны повозок, атаки сиу или ирокезов, наплыв золотоискателей... Любой европеец может немедленно проассоциировать с этими словами великие имена, названия романов или известные фильмы. А на Востоке? От Урала, там, где текут глубокие реки, до Китая и Тихого океана или даже до Аляски. Назовите мне несколько имен! Обычно в ответ на этот вопрос возникает неловкая тишина. И все же! Сколько невероятных приключений, трагедий, актов самопожертвования связано с продвижением русских к Великому Океану!

Путешествуя в течение многих лет по огромной матушке-Сибири, знакомясь с русскими и зарубежными источниками, высоко оценивая труд несправедливо забытых местных историков, а также пользуясь помощью сегодняшних жителей Сибири, я взялся изложить в максимально доступной форме эту фантастическую эпопею. Казаки, промышленники, миссионеры, моряки, ученые, купцы, ссыльные, художники, заключенные, геологи, инженеры и полярные исследователи — они герои глав истории великих открытий, еще не завершенных в начале XXI века. Восторженный прием читателями этих неизвестных, ранее проигнорированных страниц как русской, так и мировой истории лишний раз убедил меня в том, что европейцам явно есть чему поучиться у России. Судьбы Строганова, Дежнёва, Шелихова, Сидорова, Сибирякова, судьбы узников сталинской стройки 501/503 или геологов XX века стоят всех вестернов. То, что эпос о покорении Сибири теперь доступен на русском, в конечном счете лишь воздаст должное этим героическим людям. Кроме того, моя книга — дань уважения всем тем, кто помог мне реализовать мою идею.

Ваш Эрик Хёсли

ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ

«ВСТРЕЧЬ
СОЛНЦУ»

СТРОГАНОВЫ: КУПЦЫ ИЗ ТРИДЕВЯТОГО ЦАРСТВА

Здесь начинается сибирская одиссея. Величественное зрелище, от которого захватывает дух. На правом берегу Вычегды, всего в нескольких десятках метров от реки,

высоко над миром несет золоченые купола Благовещенский собор. Мощные и величавые белые стены с бойницами поднимаются в бескрайнее небо, и нет ни одной возвышенности — ни искусственной, ни природной, — которая осмелилась бы бросить ему вызов. Рассветы и закаты отражаются в воде, и их отблески окрашивают церковь то розовым, то абрикосовым цветом. Центральный купол символизирует Спасителя, а остальные четыре, более скромные, обращенные на четыре стороны света, — евангелистов.

Благовещенский собор возведен в 1560 году, когда в России было не так уж много каменных зданий. Это был мир деревянного зодчества, и удивительный собор воспевал не только мощь Церкви, но и могущество своих основателей. Все в нем — пропорции, элегантность, сводчатые часовни — словно напоены флорентийским духом. Чем не соперник Благовещенскому собору, стоящему в самом сердце Кремля, который как раз в эту эпоху подновляет Иван Грозный? Московский Благовещенский собор — домовая церковь русских царей. А собор на берегу Вычегды в 830 км от столицы — храм купцов Строгановых, символ головокругительного взлета этой семьи и знак ее благодарности Всевышнему.

К собору подступает скромный городок Сольвычегодск. Сейчас он лишь бледная тень торгового города XVI века, в котором кипела жизнь. Шли десятилетия, и на этом далеком берегу поднялись друг за другом еще 12 церквей и монастырей. В конце XVIII века некий местный житель, глядя из окна своего дома на противоположном берегу набросал своего рода панорамный вид Сольвычегодска. Тонкие линии, детально отражающие вереницу колоколен, куполов и множество православных крестов, усеивающих берег и прилегающие земли этого северного

лесного края, — единственное известное нам изображение того времени.¹ Большевики в своей разрушительной ярости стерли с лица земли десять церквей и все монастыри. Но в начале XVI века Сольвычегодск мог стать одной из опор русского мира. Этот город у северо-восточных пределов тогдашней Руси выпестовал Строгановых — землевладельцев, сыгравших важную роль в развитии страны. Никто не мог тягаться с богатством и могуществом этого рода, давшего свое имя множеству дворцов и улиц по всей России. Именно здесь, на Вычегде, в «семейном гнезде» Строгановых, как говорили они сами, родился план завоевания Сибири.

Во времена Ивана Грозного Сольвычегодск, находясь очень далеко от больших городов, служил своего рода аванпостом российской границы. Восточнее, вверх по течению Вычегды, простирались дикие, мало изведенные земли. В верховьях реки находились небольшие Михайло-Архангельский Усть-Вымский и Троице-Стефано-Ульяновский монастыри, основанные Стефаном Пермским в конце XIV века. За ними Вычегда еще судоходна на протяжении нескольких сотен километров. Она берет начало в предгорьях Урала, «Каменного пояса», как называют его в России. Не очень высокие (самая высокая вершина Народная, высотой 1 895 м, лежит далеко к северу) Уральские горы разделяют Европу и Азию, образуя естественную границу между ними. Севернее, на границе тундры, вдоль Печоры, можно обнаружить несколько зимовок охотников. Никаких других следов обитания русских здесь не сыскать. Леса и болота, занимающие огромную территорию, — это земли зырян (современные коми), черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов) или вогулов (манси) — кочевников, живших, главным образом, охотой. Коренные жители этих мест для обмена или продажи своей добычи иногда добирались до Сольвычегодска. Но в целом просторы, лежащие в верховьях Вычегды, — *terra incognita*.

Западнее узкая лента Вычегды впадает в Северную Двину, которая катит свои воды еще 700 км в сторону Белого моря — Арктики. Это Поморье — край поморов, русского населения бассейнов Двины и Белого моря. На берегах реки — деревни поселенцев, оказавшихся здесь лет четыреста или пятьсот назад. Они живут летней и зимней рыбалкой, охотятся и обрабатывают дерево. Поморы прибыли из Великого Новгорода во времена гремевшей по всей северной Европе Новгородской республики. Они славились как первопроходцы, смелые и независимые. Если подняться вверх по течению Двины, можно достичь Великого Устюга, второго торгового центра русского Севера. В Вологду и Москву нужно добираться сначала по реке, а затем волоком — всего несколько недель. Возведенный на восточной границе обжитого мира городок Строгановых отмеряет две трети

пути от столицы до берегов Белого моря и устья Двины, единственного в то время выхода к морю, открытого кораблям всех стран.

Откуда пошел род Строгановых, неясно; во всяком случае, у историков нет общего мнения по этому поводу. Довольно долго ходила легенда, повторявшаяся и в XVIII веке, что род этот имел татарские корни: якобы предки Строгановых отреклись от мусульманской веры ради того, чтобы приблизиться к великому князю, и навлекли на себя строгую кару хана (отсюда и фамилия Строгановы). Упоминались также и предки, бежавшие от междоусобиц, терзавших Россию в XV веке. С XI века огромное пространство, покрытое лесами и реками, на северо-востоке современной европейской России, осваивали жители Великого Новгорода, торгового города, входившего в Ганзейский союз. Когда Новгород пал, побежденный соперницей — Москвой, в городе начались жестокие казни, и многие его жители, ища спасения, бежали в отдаленные земли. Были ли Строгановы в их числе? Недавние исследования позволяют лишь утверждать, что семья происходила из крестьян и что уже несколько поколений Строгановых жило на берегах Вычегды прежде, чем шагнуть в историю.

• • •

Сага начинается в 7023 году по старому русскому православному календарю, в 1517 году — по европейскому. Анике (Аникею, Иоанникию) Фёдоровичу Строганову идет восемнадцатый год, когда он решает завести совершенно новый для Сольвычегодска промысел: добычу соли из небольшого соляного озера, примыкающего к его владениям. Извлекая подземные рассолы с помощью кустарной системы труб и желобов, выпаривая их на нагреваемых противнях (чренах, или чренах), Аника сумел получить достаточно соли, чтобы начать торговлю. Этот товар бесценен. Московская Русь практически совсем не производила соли и вынуждена была закупать ее втридорога в Европе. Соль — продукт первой необходимости, она нужна, чтобы сохранять продукты, тем более в стране долгой зимы, где любая нехватка, если она затягивается, — предвестник возможного голода, и следовательно, таит угрозу немалых социальных потрясений. Инициатива Строганова дорогого стоит, и местные власти тут же замечают ее и сообщают об этом начинании в Москву. Юный Строганов без труда получает высочайшее дозволение на добычу соли.

Аникей Фёдорович Строганов — человек весьма необычный. До нас не дошло ни одного его портрета. Однако современники описывают Строганова как упорного, трудолюбивого, аскетичного, прижимистого чуть ли не до скупости, охотно носившего кафтан, в который рядились еще его дед и отец. Русь из-за татаро-монгольского ига лишена была Возрождения, не

знала ни школ, ни университетов. Но Аника, живший на самом краю обжитого мира, был одержим книгами. Он покупает рукописи, обзаводится первыми печатными изданиями, которые привозят на ежегодную ярмарку по реке вместе с другими товарами. В основном это религиозная литература, поскольку Аника — человек глубоко верующий. На протяжении всей жизни он щедро одаривает Церковь. Он мечтает закончить свои дни простым безымянным монахом и, действительно, умирает в иночестве. Каждый его успех — коммерческий, политический или юридический — венчается тем, что на просторах, к освоению которых напрямую причастен род Строгановых, вырастает еще один монастырь или еще одна церковь. Благовещенский собор — всего лишь один тому пример. На стенах собора начертано, что он был возведен Аникой Строгановым, сыном Фёдора, а также его детьми, Яковом, Григорием и Симеоном, и внуками, Максимом, Никитой, Андреем и Петром, — «в вечную память» «отныне и присно и во веки веков».

Успехи Аники не в последнюю очередь объясняются тем, что в его делах принимала участие вся семья. От двух жен у Аники родилось тринадцать детей, но из сыновей выжили только трое. В семье Строганова царил патриархат. Летопись сохранила сцену отеческого гнева, обрушившегося на строптивую дочь: в наказание она была сброшена прямо с крыльца в реку. Однако трудилась семья на редкость спаянно. До самой смерти патриарх твердил о первостепенной важности «союза братского», в котором видел залог преуспевания. Впоследствии сыновья и внуки разделят огромные владения, однако сохранят общее семейное дело, систему взаимной страховки рисков, преемственность привилегий и совместность начинаний. Об этом свидетельствует множество найденных писем, контрактов, взаимных гарантий, которые сплетают личные и коммерческие судьбы наследников в единое целое. Повинуясь воле отца, Яков, Григорий и Симеон уже в отрочестве принимают участие в управлении делами. На протяжении почти 20 лет они по очереди руководят целыми предприятиями. Даже дальние родственники, двоюродные и троюродные братья, работают в семейном деле, многие занимают высокие должности. Компания «Строганов и сыновья» быстро пошла в гору. Но в Сольвычегодске не только Аника с семейством выкачивают прибыль из соляных источников. Другие кланы тоже бросились добывать соль. Очень быстро число соляных варниц достигло девяноста.² Строгановы владеют тридцатью из них, а во второй половине века — уже пятьюдесятью. Они знакомятся с заезжими специалистами и, следуя их советам, совершенствуют технологию выварки соли. Производство расширяется. Строгановы заводят кузницы и начинают изготавливать оборудование для солеварен; они также ссужают деньгами конкурентов, постепенно попадающих в зависимость от них,

погрязнув в долгах. Аника и его сыновья не жалеют для дела сил, однако они не чураются и куда менее достойных способов обогащения. Документы свидетельствуют, что семейство занималось «скупкой, закладами, ростовщическими сделками, подбирали посадские варницы, посадские лавки, амбары, кузницы и дворы».³ Пользуясь зависимым положением конкурентов, Строгановы скупают их солеварни одну за другой, шадя лишь дорогие им монастыри, которые кормятся этим же промыслом. Постепенно Строгановы прибрали к рукам весь местный соляной промысел. В солеварнях, разбросанных вокруг Сольвычегодска, им удавалось вываривать до 500 тонн соли в год, что составляло почти две трети всей добычи в стране.⁴ По сути, это первый опыт отечественной индустриализации, и Строгановы обязаны соли большей частью доходов. О неуклонном росте их оборотов свидетельствуют архивы, сохранившие великокняжеские грамоты, договоры, акты, залоговые документы, выданные по доброй воле или по принуждению.

Помимо соляного, Строгановы развивали и другие промыслы. Аника заинтересовался производством железа. Для кристаллизации соли необходимы большие прямоугольные противни (црены), разные желоба и трубы. Железо в те времена стоило очень дорого: из документа 1562 года о приобретении Строгановыми солеварни одного из конкурентов следует, что изделия из металла стоили в шесть раз больше, чем само помещение и земля, на которой оно находилось.⁵ Неподалеку были обнаружены железные руды, Строганов сумел заполучить высочайшее дозволение на их добычу, открывает кузницы. Он занимается и сельским хозяйством, хотя и ограниченным долгой и суровой зимой. Зерна не хватает, и Строгановы налаживают его доставку по реке.

Пшеницу завозят, соль и лен вывозят. У подножия Благовещенского собора строится пристань, где разгружают и загружают суда Строгановых. Их тоннаж очень быстро увеличивается от 160 до 1 000 тонн.⁶ Корабли с товарами бороздят реки, отправляются в бассейн Волги и Оки, ближе к Москве. Торговые дома Строгановых открываются и в крупных городах на междуречьях, которые преодолевают волоками.

Под Холмогорами, в Устюге, Вологде и, конечно, в Москве, Рязани, Твери и Нижнем Новгороде, где устраивались крупные ярмарки, Строгановы заводят свои отделения. За несколько десятилетий они покорили все крупные города России. После нескольких веков неподвижности, замечает историк Лев Гумилев, наступают новые времена и внезапно появляется поколение русских, для которых мир оказывается «слишком мал». Они ищут себя, они провидят новые цели. Строгановы жадны до знаний, им нужен весь мир, они мечтают повидать его, и торговля — лишь средство достичь желаемого. По Волге они плывут на юг, где

закупают пшеницу. Первые каботажные суда, кочи, как у поморских рыбаков, снаряжаются для путешествия на север. Строгановы устремляются в Скандинавию и на Кольский полуостров, где находится самый северный пункт обмена товарами. Много позже археологические раскопки показали, что промысловые экспедиции Строгановых добирались до западных берегов Новой Земли, лежащей далеко в Северном Ледовитом океане.⁷ Сыновья Аники приглашают на службу Оливье Брюнеля, мореплавателя и путешественника из Брюсселя, и один из них отправляется с ним в Антверпен и Амстердам. Вместе они строят головокружительные планы проложить новый путь вдоль русских арктических берегов, добраться до Китая. Почему бы и нет? Строгановы берутся за все: продажа железа, изготовление разных приспособлений, в частности для бурения, управление крупными ярмарками, – словом, приобретают самый разнообразный опыт. Ни один товар, который можно купить или продать, не ускользает от их внимания.

Строгановы – великолепные организаторы. Они упорны и добросовестны. Список попадающего в сферу их интересов постоянно растет. В эпоху Ивана Грозного во всем царит произвол, но семья тщательно ведет и хранит свою документацию. Большая ее часть впоследствии обнаружена в лабиринтах «подпапертных» подземных помещений Благовещенского собора, превращенных в архив семейного дела. Во время раскопок там же были обнаружены темницы, куда Строгановы бросали своих врагов.

Чтобы вести учет делам, они находили специально обученных людей: нанимали конторщиков, «дьячков у письменных дел».⁸ Роль этих работников колоссальна. Все договоры и торговые соглашения переписывались столько раз, сколько это было необходимо, чтобы обеспечить копиями партнеров, клиентов или же отделения, которые в XVI веке стремительно открываются одно за другим по всей стране. У каждого дьяка свой круг обязанностей, своя зона ответственности, своя «печатка», легко узнаваемая и столетия спустя. Во владениях Строгановых построена специальная «административная» изба, где находились «дьячки большие», стряпчие, казначеи, торговые представители, готовые сопровождать товары в многодневном или даже многомесячном пути к месту назначения. Верхушку служащих, дьяков, особенно обхаживали и холили. Среди них были и крепостные, научившиеся всему на практике, и люди ученые, которых удалось обнаружить в крупных городах. Лучшие из них получают хорошее жалованье или другое вознаграждение: так, стряпчему Жданко Воронину, «бывшему челом во двор» Строгановых, «было дано высокое жалование – 30 рублей на год», «да платье ему сулено праздничное по воскресным дням и носильное платье сулено ему всякое, как и иным ево брате всякое платье давано на Москве, а на однорядку на носильную и на зипун и на

нагавицы в штанов место посулены ему у Соли настрафильные или англинские».⁹ Служащие, которым доверяли сопровождать товары по рекам и доставлять их на ярмарки, имели право параллельно завести свое дело. Для вербовки лучших специалистов Строгановы самолично ездят в Ярославль или в Москву, где можно заполучить какого-нибудь пленника, захваченного в Швеции, в Польше, в Литве, — в одной из стран, с которыми Россия воюет. Так называемые «пленные немцы» часто оказываются шведами или литовцами, их выкупают у тюремщиков и делают крепостными. Среди них есть инженеры, переводчики и даже врачи, и всем им, хотели они того или нет, пришлось направить свой талант на служение клану северных олигархов.

• • •

По мере расширения круга деятельности Строгановых вокруг Благовещенского собора вырастает настоящий городок. Это семейное гнездо вскоре становится центром всего Сольвычегодска. Они планируют строительство укрепленного дворца для размещения управляющих служб и многочисленной родни. В 1565 году вплотную к собору Аника возводит крепостную стену с тремя башнями. В его каменных стенах укрыты потайные ходы, ведущие в ров и связывающие часовни с покоями. Внутри стены разрастаются склады, мастерские, мельницы, кузницы. Снаружи, в городе и пригородах, расселяются работники Строгановых, число которых, согласно подсчетам исследователей,¹⁰ достигало примерно шестисот. В самом семейном гнезде, настоящем средневековом поместье, отводятся помещения для особо приближенных — деревянные дома или флигели, похожие на амбары. Они находятся на переднем и заднем дворах. Пройдя по крытым переходам и лестницам, можно оказаться в господском доме, где собирается все семья во главе с ее главой. В столовых комнатах — огромные дубовые столы, оловянная, серебряная и стеклянная посуда. Стены украшены шкурами бурых и белых медведей. В комнатах множество пышных икон, выполненных по заказу Строгановых самыми знаменитыми иконописцами эпохи. В особом помещении расставлены книги, которыми Аника и его сыновья очень дорожили. Они составили одну из богатейших библиотек своего времени. В ней не меньше двух с половиной тысяч томов. Поскольку чтение — любимый досуг Строгановых, появилась небольшая походная библиотечка из двадцати — двадцати пяти книг, сопровождавшая коммерсантов во время чистых и долгих путешествий.

Перед Благовещенским собором — торговая площадь, запруженная лавками мелких торговцев. Есть тут и кабаки, запасы горячительных

напитков которых хранятся в специально отведенных подвалах собора. Летописец замечает, что в соборе витал благородный дух вина. Не обходилось, конечно, и без неприятных казусов: некоторые ретивые любители выпивки повадились осушать свои чарки прямо в подвале, и гул от их пирушек, бывало, нарушал церковное пение, внося беспорядок в дневные и вечерние службы. Дважды в год, в ноябре и июле, на площади и на прилегающих к ней улицах устраивали большие ярмарки. На них продавали северные и уральские меха. Июльская ярмарка была знаменита тем, что проходила одновременно с «ярмаркой невест», во время которой можно было быстро заключить брак. Вот что рассказывает очевидец Алексей Сошкин: «Приезжают в то время крестьянские дочери, девки, для избрания себе женихов и выхода замуж, который обряд состоит в таковой церемонии. Как те невесты приплывают по Вычегде в лодках и квартируют более на берегу с родственниками и знакомцами своими при тех лодках у продажи своих продуктов. Хотящии ж видети их женихи приходят к тем невестам и смотрят их. И естли покажется или пондравится, тогда желания от невест спрашивают, также и о приданном. И буде стыдливые невесты сами сказывать не хотят, тогда отвествуют вместо их находящиеся при них родственники и знакомцы. И когда согласное условие положат, тогда в церкви обыкновенно и венчаются. А в противном случае, естли их некто не возмет, или сами по себе не изберут, тогда отъезжают обратно восвоаяси со своим изготовленным приданным».¹¹

Анике удалось передать сыновьям любовь к тому, что было дорого ему самому. В холодное время года службы проходят в небольших боковых приделах собора, которые легче отапливать. Для украшения ансамбля приглашают самых талантливых мастеров — в Сольвычегодск приезжают живописцы и иконописцы из Москвы, Пскова и других художественных и религиозных центров. Благодаря Строгановым в небольшом торговом городке возникает школа иконописи и писания золотом, слава о которой распространилась по всей стране. Стены приделов украшают иконы — Страшный суд, Смоленская икона Богоматери или Троица с пунцово-красными красками, от которых невозможно отвести взгляд. Аника и двое его внуков, Никита и Максим, лично следят за всеми работами.¹² Они даже устраивают в своих покоях особые помещения, где хранят самые почитаемые иконы. Внутренняя часть собора также преобразуется: огромные суммы идут на создание великолепных «царских врат» в центре иконостаса. Фрески поднимаются по стенам до самых куполов, обещая верующим райские кущи.

Но интерьеры собора — еще не все. Строгановы интересуются и пением. Они часто приглашают в Сольвычегодск знаменитого певчего времен Ивана Грозного Стефана Голыша. Его хоральные аранжировки, известные

как Усольский распев, и сейчас исполняются наряду с другими древними православными песнопениями.

Женщины семьи Строгановых также не обделены талантами: в своих покаях они изобретают особую технику шитья золотыми и серебряными нитками, которая будет передаваться из поколения в поколение. Постепенно развивается торговля речным жемчугом. Наконец, палитру художественных достижений, которыми Сольвычегодск обязан Строгановым, дополняет крашенная деревянная скульптура на религиозные темы.

В коллекции Строгановых есть немало икон, посвященных митрополиту Алексию, в 1354–1378 годах возглавлявшему русскую Церковь. Митрополит Макарий, ее глава в 1542–1563 годах, центральная фигура русского общества той эпохи, заметил особую любовь семьи к этому очень почитаемому святому. Одна из таких икон была заказана иконописцу Истоме Савину. Это не только шедевр православной религиозной живописи, но и символ поддержки Строгановыми политики объединения православной Церкви — главной цели митрополита.¹⁴ Макарий известен не только как религиозный лидер. Он — единственный, кто имеет огромное влияние на Ивана Грозного. Макарий — духовный наставник царя, его исповедник и собеседник. Иван Грозный уважает и опасается Макария. До самой смерти в конце декабря 1563 года Макарий поддерживал замыслы Ивана Грозного. Объединение русских земель, признание Москвы третьим Римом, ставшее возможным после падения Константинополя в 1453 году, избавление от угрозы со стороны волжских и крымских татар — вот божественное предназначение, как полагал митрополит, Ивана IV.

Митрополит Макарий, духовный пастырь верующих, в том числе и Строгановых, ходатайствует за них в Москве. Строгановы старались изо всех сил, чтобы привлечь его внимание. Вслед за Благовещенским собором в Сольвычегодске строятся еще два. Потом — два монастыря, один из которых — монастырь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы выпадает на ноябрь, он знаменует начало зимы. Именно в этом монастыре Аника, принявший после смерти второй жены иночество под именем Иоасаф, закончит свой жизненный путь. По мере того, как расширяются владения Строгановых, по мере того, как царь дарует им или отдает в управление все новые и новые земли, повсюду на них возводятся монастыри, тотчас же поступающие в ведение московского митрополита. Благодаря Строгановым влияние православной церкви распространяется на восток, вдоль торговых путей.

Не только сам Аникей Строганов, но и его сыновья оставались искренними союзниками и апологетами Церкви. Но в еще большей степени они стали апологетами самого Ивана Грозного.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И «ОЛИГАРХИ» СТРОГАНОВЫ

К середине XVI века Московская Русь уже стала самым обширным государством Европы. Но не самым мирным. И не самым стабильным.

Посмотрим на карту. На западе и северо-западе страна граничит с морем. Шведы контролируют устье Невы и небольшую крепость, которая через полтора столетия даст начало Санкт-Петербургу. Они занимают также большую часть берегов Балтии, Ливонию (современную Латвию), портовые Нарву и Ригу. Оставшееся побережье — литовское и польское владения. Польша к тому же перегораживает сухопутную дорогу к немецким княжествам и герцогствам. Все эти государства — противники Московской Руси.

Отсутствие прямого выхода к морю — огромное неудобство для русского государства. Падение Ганзейской Лиги — мощной средневековой торговой корпорации — вызвало коммерческий бум во всей Балтии. Общий устав, а также особые права и привилегии городов — членов Лиги (в частности, Великого Новгорода) перестали действовать, и это развязало руки голландским, английским, французским, скандинавским и немецким мореплавателям, бороздившим северные моря. Если раньше учитывались лишь торговые интересы городов — членов Лиги, то теперь на первый план выдвинулись приморские государства, чья политическая и военная мощь была на подъеме. Королевство Дания установило высокую пошлину на проход через пролив Зунд («Зундскую пошлину») — практически единственный путь из океана в Балтийское море. Польша, Литва и Швеция заключили союз, чтобы не допустить русских купцов на балтийское побережье и помешать их непосредственным контактам с кораблями лидеров мировой торговли, бросившими якорь в портах этих стран.

У Московской Руси, имевшей гигантские территории, но находившейся в изоляции, не было другого выхода, кроме как прибегнуть к помощи торговых посредников, в качестве которых выступали соседние страны. Без портовых городов и без флота русские купцы не могли торговать самостоятельно на крупных ярмарках в Брюгге, в Антверпене, в Амстердаме, в Лондоне, в Бресте или в Дьепе. Ввозя товары, Московская Русь не пользуется таможенными правами, а при вывозе ей приходится подчиняться требованиям посредников — шведов, литовцев, поляков и их агентов. Положение усугубляло еще и то, что и драгоценные металлы, золото и серебро, позволявшие осуществлять денежные операции, Московская Русь также ввозила из соседних стран. К тому же она импортировала большое количество оружия, и, конечно, соседи были не в восторге от того, что оно проходит через их порты. Не удивительно, что русские купцы, чувствовавшие себя отрезанными от дразнящего процветанием мира, пребывали

в унынии. Крупнейшим русским купцом являлся сам царь. Русская концепция государственности предполагала, что царь — главный собственник и владелец всех прав на то, что производят его земли. Он мыслит себя *ultima ratio* (предел разума — *лат.*) всей торговли.

Сложившаяся на юге и на юго-востоке ситуация также не особенно благоприятна для страны. Золотая Орда, мощное средневековое государство, основанное Чингисханом, — сюзерен русских великих князей на протяжении многих веков — по-прежнему сторожит у границ. Оно разделилось на два: одно со столицей в Казани, в среднем течении Волги, а другое — со столицей в Астрахани, неподалеку от дельты этой же реки. На побережье Чёрного моря Крымское ханство контролирует пути в Константинополь. Хуже того, ногайские татары, кочевники, присягнувшие на верность крымскому хану, господствуют в просторных южных степях, выступая то партнерами русского государства в торговых делах, то грабителями и наемниками врагов — в зависимости от сиюминутных интриг и заключаемых союзов. Давление со стороны татар создает на Руси постоянное напряжение. Города в южной и центральной частях страны то и дело страдают от набегов, грабежей, похищений и пожаров, после которых остаются лишь пепелища. Однако это полукольцо, образованное враждебными татарами, имеет и более важные последствия: оно мешает свободному перемещению по Волге, главной транспортной оси, своего рода позвоночнику страны, препятствует развитию торговли с Востоком, Персией и Центральной Азией. Татары присвоили себе также роль посредников в общении с Бухарой, чьи караваны везут шелк, чай, пряности, ткани из Китая и драгоценные камни к Каспийскому морю.

Наконец, татары перекрывают путь на Урал и к неизведанным землям, укрывшимся за ним. Станный парадокс: европейцы уже более века путешествуют по Америке, создавая все более и более точные карты этого континента, а о территории, примыкающей к России с востока, ничего не известно. На первой карте мира, созданной в 1507 году немецким географом Мартином Вальдземюллером, всплыли, словно из небытия, две Америки. Кстати, именно на этой настенной карте впервые дерзко начертано название «Америка». Однако на востоке, в Азии или «Скифии» — сплошное белое пятно с неясными контурами гипотетических гор и элементами орнамента. Всего через 15 лет после высадки Колумба о новом континенте известно куда больше, чем о дальних уголках Евразии.

• • •

Первое упоминание о Зауралье принадлежит перу польского историка и географа, ректора Краковского (Ягеллонского) университета Матвея Меховского. В 1517 году он публикует «Трактат о двух Сарматиях», в ко-

тором приводит свидетельства русских путешественников, добравшихся до Польши. Они сообщают, что на северо-востоке Московии находятся земли, где живут скифы. В этих землях не пахут, не сеют, там нет ни хлеба, ни денег. Леса покрывают эти земли, а одичавшие местные жители ходят на зверей. Рассказывают, что большая река (Обь) течет с юга к северному морю. Тогда считали, что она ведет к огромному озеру, откуда можно уже попасть в Китай. В приграничных землях, где живут Строгановы, Зауралье называют Югра, а его сердцевину, находящуюся по другую сторону гор, Сибирью или Сиберью. Это название впервые встречается в 60-е годы XVI века на европейских картах, авторы которых, англичане в Лондоне или же голландцы в Антверпене и Амстердаме, лихорадочно собирают информацию, поступающую от путешественников. Эта область станет Сибирью. Но пока Сибирь заперта на замок, ключ от которого в руках татар.

Великий князь вынужден иметь дело не только с тревожным положением на границах. Есть и еще более тяжкое зло: уязвимость политического режима и его собственная психологическая неустойчивость. Ивану Грозному было три года, когда умер его отец Василий III. Все детство он провел в атмосфере заговоров и интриг, связанных со спорами о наследовании престола, что не могло, конечно, не повлиять на него. Регентство осуществляла дорвавшаяся до власти группа бояр из числа приближенных его матери, Елены Глинской. Бояр, происходивших из древних благородных семей, было не так уж много, не более пяти десятков. Когда престол пустеет или начинает шататься, как это было в 30-е годы XVI века, когда будущий Иван IV был ребенком, начинаются войны за влияние, которые то и дело ставят под угрозу и жизнь великой княгини, и жизнь наследников. Каждый с подозрением смотрит на другого. Ивану еще не исполнилось четырех лет, когда дворец полностью погряз в усобицах. Один из его дядьев, Юрий Дмитровский, обвиненный в заговоре, заточен в кремлевской башне. Поскольку того, кто смеет пролить великокняжескую кровь, ждет проклятие, несчастный просто-напросто брошен в темницу, где ему уготована голодная смерть. И он не единственная жертва. Вскоре другие люди, с детства знакомые Ивану и его брату Юрию, страдавшему немотой, сгинут в казематах. Позже в интереснейшей переписке с одним из своих заклятых врагов, Андреем Курбским, Иван IV то и дело будет возвращаться к годам детства, пронизанных страхом: «Когда же суждено было по божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал <...> Было мне в это время восемь лет <...> Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца и воевод перебили! <...> Нас же с едино-

родным братом моим, в бозе почившим Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети <...> Как исчислить подобные бесчестные страдания, перенесенные мною в юности?»¹⁵

В 18 лет, заняв трон, молодой государь начал с демонстрации своей силы. Этот ход подсказал ему митрополит Макарий, его духовный наставник. Провозгласив себя наследником византийских императоров, он венчается на царство и получает титул царь (который восходит к титулу цезарь), а вместе с ним — новый статус. Церемония проходит с огромной пышностью, достойной абсолютного монарха, поднимающего скипетр христианской империи, упавшей вместе с Константинополем в 1453 году с этого момента новоявленный царь навязывает своим подданным политический режим — причудливую смесь реформ и террора. Иван Грозный видел в подданных паству, а страна представлялась ему огромным монастырем, настоятель которого — он сам. «Ведь мы не насилием добыли царства, — провозглашает он, — тем более поэтому, кто противится такой власти — противится Богу!»¹⁶ По прошествии многих лет, особенно после смерти митрополита Макария, строгость государя превращается в откровенную жестокость. Суровость — его принцип: «Государство без грозы как конь без узды», — оправдывает государя один из сторонников его режима. Насилие — его метод. Произвол обрушивается на Москву и провинцию. Многие бояре, представители древних родов, в том числе и те из них, что верой и правдой служили царю, были схвачены, отданы в руки палача Малюты Скуратова, претерпели страшные пытки. Так Иван становится Грозным — в соответствии с главным принципом его царствования. Возникает множество легенд: например, говорят, что в ночь, когда он родился, в августе 1530 года, ветер был таким сильным, что начал раскачивать кремлевские колокола, зазвонившие как зловещее предзнаменование.¹⁷ Погрузившись в мистицизм, Иван Грозный возомнил себя инструментом божьего промысла, тем, кто должен нести ответ за грехи подданных и, трепеща при мысли о Страшном Суде, возжелал покарать их за время своего краткого пребывания на земле. Он то молится днями напролет, то приказывает убить митрополита Филиппа, преемника Макария, который не побоялся пойти против него и вознамерился запретить ему входить в церковь. Иван Грозный сам возглавляет карательные операции против Новгорода и Пскова — городов, находившихся на западной границе, — сея массовые убийства и разбой. Когда настоятель Псково-Печерского монастыря Корнилий выходит ему навстречу с хлебом и солью, он одним ударом отрубает ему голову, а потом, ужаснувшись совершенному кощунству, несет голову своей жертвы в монастырскую часовню,

оставляя за собой кровавый след. Наконец, в приступе безумия он убивает своего горячо любимого сына.

Экономическая политика царя противоречива. С одной стороны, Иван Грозный – реформатор, модернизирующий страну, с другой стороны – коварный и непредсказуемый правитель. Некоторые подданные убеждены, что государством тайно управляют два человека, сидящие в Кремле и скрывающиеся под титулом царя. Стремясь превратить феодальное княжество в централизованное государство, Иван Грозный закладывает основы администрирования, сосредоточивая всю управленческую деятельность в приказах, прообразах министерств, каждый из которых отвечал за свое направление. Во главу приказа ставится боярин или дьяк, и так зарождается система государственного управления. Но внезапно пробуждается безумная логика, требующая иррациональных решений. В 1564 году, через несколько месяцев после предательства представителя одного из крупнейших дворянских родов, князя Андрея Курбского, человека образованного, увлеченного философией, грекофила, военачальника в войнах против Литвы и Польши, перешедшего на сторону врагов, Иван Грозный решил реорганизовать страну и изъять земельные владения. Он представлял себе государство как объединение наиболее богатых городов и земель, которыми он станет управлять единолично, сидя в Кремле, без участия посредников. Так появляются особые районы, личный удел Ивана Грозного, – опричнина, отвечающая божьему замыслу. Остальная же часть государства, управление которой доверяется земским боярам, получило название земщина. Проект странен и быстро оборачивается кошмаром: чтобы контролировать опричнину, царь собирает вокруг себя верных людей. Среди них представители знатных семей, многие стремятся попасть в этот круг, чтобы защитить себя от расправы. Строгановы получают царский указ, призывающий их на службу царю. Иван Грозный, подобно Богу, выбирает себе свиту. Среди нее – немец Генрих фон Штаден, сын бургомистра одного из вестфальских городков, посланный отцом в Ригу и в конце концов, как сообщает он сам, завербованный лично Иваном Грозным: «Из наших при дворе великого князя в опричнине были только четыре немца».¹⁸

У семей, которые подозревались в отсутствии лояльности, даже самых знатных, конфисковывали имущество, становящееся собственностью царской опричнины. Эта реформа имела пространственное измерение: части городов – некоторые улицы, дома, жители, – а также пригороды перешли в опричнину. В самой Москве Иван Грозный, не чувствовавший себя в Кремле в безопасности, велел построить вдоль речки Неглинной новый дворец опричнины. «Великий князь приказал разломать двory многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь

и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх — из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц (*umbgehende Wehr*); [протянулись они] приблизительно на 130 сажений в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами», — пишет фон Штаден¹⁹ [с. 107]. Ворота украшали резные разрисованные львы с зеркальными глазами. Южные ворота, ближе всего находившиеся к царским покоям, были такими узкими, что могли впустить только одного всадника. Иван Грозный переселил во дворец свой двор, да и сам перебрался туда: «Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на пол-сажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал <...> Такова была особная площадь великого князя»²⁰.

Чтобы следить за порядком в опричнине, царь собрал несколько сотен наиболее верных и проверенных стрельцов, так называемых опричников. Однако эта армия преданных людей быстро превратилась в свору кровавых варваров. Предполагалось, что опричники станут личной гвардией царя, но получилось целое ополчение численностью в шесть тысяч человек. Эти всадники, одетые в черное, с собачьей головой в качестве символа, бороздят страну, мародерствуя, убивая и насилая в полной безнаказанности. «Любой из опричных мог,²¹ например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит»²², — пишет фон Штаден, сам являвшийся опричником. Молодой немец то и дело становится свидетелем вымогательств. Он рассказывает, как северные купцы, встреченные на дороге, умоляли его купить за бесценок или даже в кредит меха, пока их не отняли опричники. Он видит деревни и церкви в огне, полуобнаженных женщин, которых заставляли ловить цыплят в полях, разграбленные монастыри, изувеченных монахов. Он видит, как топят жителей Новгорода. В этом городе, пишет он в своих воспоминаниях, адресованных императору Священной Римской империи Рудольфу II Габсбургу, было столько убитых мирян и духовенства, сколько никогда не бывало до того на Руси.

Молодой царь, свято веривший в свою особую миссию, вознамерился также высвободить свою страну из тисков, сдавивших ее. Он попытается разжать их на обоих флангах — по очереди. На северо-западе Грозный увязает в войнах против балтийских государств — Великого княжества Литовского (потом Речи Посполитой), Швеции, Дании, Ливонской конфедерации, объединившихся против него. Эта война, получившая название

Ливонской, продлится 25 лет. Иван Грозный, конечно же, не первый, кто надеялся отодвинуть западных соседей. Великий князь Александр Невский уже воевал с тевтонскими рыцарями за несколько веков до него. И Иван IV не станет также и последним в подобном предприятии: через сто пятьдесят лет Петр I вступит в Северную войну, которая, наконец, позволит России «прорубить окно в Европу» и на Балтику. Война Ивана Грозного носит эпизодический характер, но она истощает страну: победы и поражения сменяют друг друга. Когда русская армия стоит под Псковом, враг атакует Полоцк. Пришлось возвести практически новый город (Ивангород) напротив шведской крепости Нарва. Силы русских ослаблены и переходом некоторых военачальников и стрельцов на литовскую сторону. Но, что еще хуже, царь подозревает всех и каждого, ему повсюду чудятся заговоры, он пытается и отправляет на смерть самых преданных соратников. Иван Грозный собирает до 300 тысяч человек войска и опустошает государственную казну. Эта война ничего не принесет. Взятие в самом начале войны Нарвы и портов на Балтике станет лишь временной победой. В 1581 году шведы вернуться, и Ивану Грозному придется вести переговоры в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Но, прежде чем открыть балтийский фронт, Иван Грозный начал поход на татар. На этот своего рода крестовый поход его благословил митрополит Макарий. Под знаменем христианства он двинулся против зеленого штандарта ислама, направив свою армию на татарскую столицу Казань, высокие минареты которой взмывали над городскими стенами. Первые атаки ни к чему не привели. В глубоко религиозном обществе того времени малейшее знаковое событие, победа или поражение воспринимаются как свидетельство божественной воли. Сомнение, которое поселяется в умах при каждом новом несчастье, — худший враг: разве может Бог оставить «своих» ради «неверных»? Иван Грозный собирает новые силы, еще и еще. Под стенами крепости Казань растет войско. В 1552 году столица татар, на протяжении многих лет повелевавшая русскими землями, пала. Русская армия, развивая успех, продолжила кампанию и через четыре года, в свою очередь, сдалось Астраханское ханство. Татары побеждены. Царь в честь победы возводит у подножия Кремля храм Василия Блаженного. Его золоченые луковицы и сегодня сияют над Красной площадью.

Волга отныне целиком в руках русских — от истоков до устья, где она впадает в Каспийское море. Это поворотное событие в истории России. Волга-матушка. Гигантская река, скоростной водный путь, притоки которого позволяют легко попасть в бассейн Дона и к Черному морю. И еще Днепр на Украине. И Волхов, и Балтийское море. И Северная Двина, и Белое море, и Северный Ледовитый океан. И многообещающий Уральский хребет.

• • •

Строгановы, сидя в Сольвычегодске, затерянном у самых северных границ, делают все, чтобы не утратить расположение царя. Их дело настолько велико, что они по сути оказались во главе небольшого почти независимого феодального государства. Их владения простираются на миллионы гектаров лесов, полей и болот. Обстоятельства благоприятствуют им, поскольку Строгановы находятся далеко от двора и его смертоносных интриг. Простое происхождение семьи Строгановых также ограждает их от подозрений в дворцовых интригах. Строгановы очень осторожны: даже находясь вдали от Кремля, они не упускают ни одной возможности угодить царю. И каждый раз, когда он испытывает затруднения, спешат ему на помощь. Порой это щедрые вливания в бюджет, истощенный непрерывными военными действиями, порой — отправка военных отрядов, обученных и снаряженных на их средства. Так, в 1572 году тысяча пеших вооруженных ратников устремилась на помощь царю по первому зову, когда нужно было защищать степь от ногайских всадников.

Финансовые вливания принимаются благосклонно, когда обстоятельства того требуют и когда на кону стоят судьбы страны и царя. В более спокойные времена Строгановы становятся придворными банкирами и сборщиками налогов. У них мощные торговые и агентурные сети, их влияние растет. Из обычных подданных короны они превращаются в поверенных короны. Иван Грозный поручает им собирать налоги в их землях. Механизм прост: купцы платят сумму, обещанную в московскую казну, а затем собирают деньги со своих земляков. Строгановы еще и поставщики двора. Все чаще и чаще Иван Грозный обращается к ним, желая получить драгоценные меха и шубы. В 1574 году, когда братья Строгановы находились в Москве, Иван Грозный призывает их к себе, чтобы вручить список своих пожеланий, вполне типичных для того времени: драгоценные соболиные меха, полторы тысячи полотен, шитых золотой нитью, ценой в три тысячи рублей, и пять пудов гусяного пуха лучшего качества на двести рублей.²³

Царь расплачивается не только наличными. Не менее важны и даруемые им привилегии. Сначала царская милость выражается в освобождении от сборов и транзитных пошлин, в частности, за перемещение по рекам. Великое преимущество: в то время, как конкуренты вынуждены останавливаться у каждого заграждения или пункта досмотра для тщательнейшей проверки и подсчетов суммы пошлины для оплаты, после которой следовал обычно торг, Строгановы проплывают беспрепятственно, экономя время и деньги.²⁴ Привилегии, пожалованные властью частным лицам в обмен на особые услуги, содействие и участие в делах, — вот суть отношений между Кремлем и олигархами. Строгановы и есть олигархи XVI века.